

ЭТНОГРАФИЯ

З.З. Абдулкеримова

**ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ДЕТСКОГО ЦИКЛА У ДАРГИНЦЕВ
В XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(по материалам с. Мюрего)**

Основным признаком семейного благополучия у народов Дагестана традиционно считалась многодетность. Дети были основой прочности семьи, главной ценностью в жизни и источником радости родителей. Поэтому рождение ребенка в мюрегинской семье, особенно сына, всегда было важным событием. Женщину, не имевшую детей, в Мюрего сравнивали с бесплодным деревом и говорили: «ДахIне агор хIунулла ца – цъдех агор галгира ца», т. е. «Что бездетная женщина что дерево, не дающее плодов, – это одно и то же».

Детский цикл, как компонент семейного быта, безусловно, – самая яркая, насыщенная манипуляциями и действиями, наиболее консервативная, зрелищная составляющая бытовой культуры народа. «Приемы, поверья, обычаи и обряды, связанные со стимулированием, регулированием и социализацией детей, как раз и являются одним из структурных компонентов традиционно-бытовой культуры этноса» (Мусаева М.К., 1995. С. 102).

Детский цикл, основу которого составляли обряды, связанные с рождением ребенка, исследователи условно делят на три периода: 1) обряды дородового периода; 2) обряды, связанные с родами; 3) обряды послеродового периода.

Для обозначения беременной женщины мюрегинцы использовали названия, подчеркивающие ее внешние физические изменения «кониличель» (буквально «с животом»), а также термин, обозначающий внебрачную беременность «кони бицIакъиле» («наполненный», «полный живот»).

Поведение беременной регламентировали запреты. Соблюдение этических норм требовало от будущей мамы скрывать свою беременность, особенно от мужчин с отцовской и материнской сторон. Беременная должна была соблюдать нормы этикета и в отношении увеселительных мероприятий, нарушение которых могло вызвать нарекания старших. Следует отметить, что трудовой режим беременной женщины изменялся незначительно (исключалась лишь тяжелая работа, связанная с подъемом тяжестей). В период беременности будущую мать старались обхаживать и исполнять любое ее желание, особенно в отношении пищи, так как оно «играет важную роль в формировании физических черт ребенка и его психологического уклада» (Почагин. О.В., 1986. С. 127). По поверьям мюрегинцев, беременной женщине, захотевшей употребить тот или иной продукт, нельзя было чесать себя, так как на тельце ребенка появится родимое пятно, напоминающее именно тот продукт, который хотела роженица, и именно на том месте, где она почесала себя.

Согласно народным представлениям, женщина могла не доносить ребенка из-за воздействия враждебной «нечистой силы» на него. В селении Мюрего такой нечистой силой считалась «албасти» – мифическое существо в облике женщины, которая якобы «забирала» детей из утробы матери. Подобные представления существовали не только у народов Дагестана, но и у многих народов Кавказа (Мусаева М.К., 2006. С. 33–34). По этому поводу Г.Ф. Чурсин писал: «Напуганное воображение создает даже особых духов, единственное занятие которых пожирать или похищать внутренности рожениц, подменивать или убивать новорожденных» (Чурсин Г.Ф., 1913. С. 91).

О распространении аналогичного поверья пишет и А. Редько: «Это демоническое существо, которое якобы «похищало» ребенка из утробы матери, известно многим народам» (Редько А., 1899. С. 53–131). По поверьям мюрегинцев, можно было даже определить пол похищенного ребенка: считалось, что если «албасти» похитила сына, то на конце кинжала появлялась маленькая капля крови, если дочь – каплю крови обнаруживали на конце ножниц (Полевой материал 2003).

Важную роль для семьи, а особенно для женщины имел пол будущего ребенка: во-первых, с рождением сына существенно повышался статус женщины в семье; во-вторых, в мальчике видели продолжателя рода; в-третьих, «в крестьянском быту от наличия детей, и прежде всего сыновей, зависели и количество рабочих рук в семье, и уход за родителями в старости» (Смирнова Я.С., 1983. С. 66). Поэтому о рождении сына как желанного ребенка извещали с большой радостью. Рождение дочери происходило незаметно. Пришедшие наряду с поздравлениями высказывали даже чувство сожаления: «...жаль, конечно, что дочь..., как было бы хорошо, если бы родился сын». Примером сказанному могут послужить исследования в области семейной обрядности Смирновой Я.С.: «Традиция поддерживалась и законодательством Российской империи, – пишет она, – поскольку в посемейные списки вносились лишь младенцы мужского пола» (Смирнова Я.С., 1973. С. 9).

У мюрегинцев существовали разные способы угадывания пола будущего ребенка. Пол ребенка определялся по величине и форме живота: если живот большой и плоский – родится девочка, если маленький и выпуклый – мальчик. Если женщина имела легкие движения и чистое лицо, то у нее родится сын. Если беременная испытывала слабость, имела пигментные пятна на лице – родится дочь.

Забота о том, чтобы ребенок родился здоровым и полноценным, требовала от женщины соблюдения в период беременности целого ряда запретов и предписаний, якобы ограждающих ее и ребенка от неблагоприятных последствий. Так, будущая мать должна была воздерживаться от вкушения некоторых продуктов питания: нельзя было есть буйволиное мясо – роды затянутся, есть зайчатину – ребенок родится с заячьей губой, есть сросшиеся фрукты – родится двойня с физическими дефектами и т.д.

В ряде запретов, которые должна была соблюдать беременная, явственно прослеживаются следы предохранительной магии. В частности, ей запрещалось раздуть огонь, садиться на камень (роды будут тяжелы как камень) или сундук, присутствовать при убое скотины – ребенок мог родиться хриплым, засматриваться на калеку – чтобы ребенок не родился таким же; нельзя было вязать – во избежание обвития пуповиной (вокруг шеи или плечевого пояса), перешагивать через кошку – ребенок родится волосатый, смотреть на зайца – ребенок мог родиться с заячьей губой, смотреть на покойника, ходить на соболезнования и кладбища – мог случиться «сороковик» – «овца цалабиркур» и т. д.

Отметим, что многие поверья и приметы построены на принципе «подобное происходит от подобного» (Фрэнгер Д.Д., 1986. С. 20–32) и служат примерами имитативной магии.

Важнейшими во всей родильной обрядности являлись обряды, связанные непосредственно с родами. Именно этот цикл, несмотря на короткий срок самого события по времени, являлся наиболее насыщенным всевозможными обрядами и магическими действиями.

Согласно поверью, в качестве средства, которого боялась нечистая сила, использовали железные предметы. По словам С.Ш. Гаджиевой «помещение, где должны были происходить роды, снабжали металлическими оберегами, у порога клали топоры, серпы, обнаженные кинжалы» (Гаджиева С.Ш., 1961. С. 274). По поводу железных предметов, используемых во время родов в качестве оберега, писал и Г.Ф. Чурсин: «Кинжал, будучи хорошим оружием против врагов и диких зверей, считался прекрасным средством и против невидимых злых сил» (Чурсин Г.Ф. 1929. С. 219). Дополняя сказанное, отметим, что перед родами у порога комнаты, где находилась роженица, обязательно клали железный предмет, который по поверьям мюрегинцев являлся неотъемлемым элементом оберега (Полевой материал 2004 г.). В отличие от некоторых дагестанских народов, например, лакцев (Булатова А.Г., 2000. С. 286) и ногайцев (Гимбатова М.Б., 2007. С. 157) роды мюрегинки проходили в доме мужа. Мужская половина, в том числе и муж роженицы, до окончания родов находились за пределами дома.

Роды принимала повивальная бабка – «эначи». В Мюрего их было несколько: Хаджа-Бажи Капаева, Хадижат Нурмагомедова, Айшат Багаудинова, Рукият Бахьяева (Полевой материал 2003 г.). К повитухе в селе относились с большим почтением. Тем не менее занятие ее по шариату считалось «нечистым», поэтому прочие контакты с ней старались

ограничить. За труд повитухе – «эначи» полагалось вознаграждение (зерно, кукуруза, мука, отрез материи).

При родах принимались некоторые меры предосторожности: запрещалось присутствовать беременным женщинам – роды могут затянуться; женщинам, страдающим бесплодием, – ребенок может родиться мертвым и т.д. Другими мерами предосторожности были недопущение посещения роженицы человеком сразу после похорон и присутствие недоброжелательных женщин. Аналогичные меры предосторожности отмечены не только у дагестанцев. Уместно здесь привести высказывание английского ученого Д.Д. Фрэзера, который пишет, что у многих народов беременной женщине приписывалась «магическая способность сообщать плодородие (Фрэзер Д.Д., 1986. С. 39), равносильно как бесплодная» женщина могла «заражать бесплодием, препятствовать плодородию растений» (Фрэзер Д.Д., 1986. С. 39).

При трудных и затянувшихся родах применяли различные меры родовспоможения, многие из которых были просто знахарскими. Так, роженице делали легкий массаж живота, поясницы или ей (так, чтобы она не знала) давали съесть вшей (Полевой материал 2004 г.).

Процесс родовспоможения обставлялся и целым рядом магических действий. Например, роженице давали выпить воду, в которой вымыл руки человек, освободивший лягушку от змеи; приглашали женщину, которая сама легко рожала; в доме открывали все сундуки, шкафы, двери, окна, развязывали узлы; расплетали роженице косы и т.д.

Существовали многочисленные религиозные приемы, призванные облегчить роды: роженице давали выпить воду, в которую предварительно была опущена бумага с написанной муллой священной молитвой.

Смерть женщины или ребенка при родах приписывали влиянию злых духов.

Послеродовой обрядовый комплекс по своему характеру не являлся однородным. Сразу же после появления ребенка на свет в обязанность повитухи «эначи» первым делом входило перевязывание пуповины предварительно приготовленной и смазанной жиром лентой из хлопка (бязь, миткаль, ситец). В целях недопущения инфекций и быстрого заживления ранку посыпали жженой землей или пеплом.

Для того чтобы малыш «спал спокойно» и его не «тревожили злые духи», отпавшую пуповину заворачивали в тряпочку и клали под матрац или в ящик, находящийся в люльке «сири». Некоторые мюрегинцы хранили пуповину в «дукьлав» – в щели потолка, другие клали пуповину в сундук – «кьани». У агул если «у ребенка болел живот, ему давали пупок посасать» (Булатов А.Г., Исламагомедов А.И., Мазанов Ш.А., 2008. С. 144). У даргинцев общества Гапш (в частности в селах Дибгалик, Чишили и Уркарах) в случае недомогания ребенка «пуповину доставали и поглаживали ею спину, живот» (Хасбулатов Х.М., 2006. С. 121). Кроме того, в качестве апотрепеев под матрац (в изголовье) клали обязательно железный предмет (нож – если мальчик и ножницы – если девочка). Большое значение в родильной обрядности мюрегинцев придавали последу – «хъали» (буквально – «дом»). Послед зарывали в укромном месте (Полевой материал 2005г.). К последу относились с особой предосторожностью, так как верили в то, что «если недоброжелатель завладеет последом и забьет в него гвоздь, детей в семье больше не будет» (Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И., 2004. С. 165).

Отмечая народное истолкование традиций относительно вышеназванных действий, Д.Д. Фрэзер пишет: «Жизнь ребенка сложится благоприятно, если пуповина и плацента находятся в сохранности. Если же им наносят повреждения или теряют их, страдает и ребенок» (Фрэзер Д.Д., 1986. С. 51). Здесь интересно отметить одну деталь. Если кайтаги (пограничные соседи табасаранцев) закапывали послед «с особой предосторожностью, чтобы недоброжелатели, собаки не завладели им» (Алимова Б.М., 1998. С. 155) то, табасаранцы, в частности жители селения Хив, послед «закапывали или выкидывали собакам» (Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И., 2004. С. 165). О значимости последа «ввиду его тесной связи с ребенком, что у многих народов считается имеющим влияние на судьбу человека» писал Чурсин Г.Ф. (Чурсин Г.Ф., 1929. С. 207).

Сразу после родов роженицу и младенца оберегали от возможного воздействия злых духов. Обезопасить роженицу и ребенка от «нечистой силы» должен был широкий спектр апотропеических средств и обрядовых действий. В период сорокадневья роженицу и младенца оберегали всеми известными средствами от порчи и сглаза. Например, поставленное у входа в комнату яйцо в банке с водой считалось лучшим средством защиты от дурного глаза и «если оно лопнет, вот лучшее доказательство, что сглаз подействовал на яйцо, минуя больного» (*Чурсин Г.Ф.*, 1929. С. 207).

У мюрегинцев, как и у всех народов Дагестана, ритуал обмывания новорожденного водой входил в число очистительных и первых обрядов. Так, первым действием после рождения ребенка было купание его в теплой, обязательно подсоленной воде. В отличие от кайтагов, которые воду после купания ребенка «выливали на улицу, где ходят люди» (*Алимова Б.М.*, 1998. С. 154) и «считали, что в малодоступном человеку месте шайтанов и джинов гораздо больше, чем там, где постоянно ходят люди» (*Алимова Б.М.*, 1998. С. 154), мюрегинцы, как и многие народы Дагестана, воду после купания ребенка выливали в недоступном для ног человека месте. Если ребенок родился ночью, то воду после купания оставляли до утра. Были приметы и другого типа: если у малыша ладони были постоянно сжаты в кулачки, ему предвещали жадность, если ладони были разжаты, то говорили: «Будет добрым и нежадным человеком».

Представления как о наиболее «опасном» периоде жизни роженицы и ребенка связаны с периодом «авцIа», так называемыми сорока днями после родов. Роженица не должна была прикасаться к кухонной утвари, готовить пищу, доить домашнее животное во время всего запретного периода. Обычай отстранения женщины от работы по хозяйству в течение сорока дней «авцIа дикайке» был связан с представлением о роженице как о «нечистом» существе. В частности, относительно аварцев Г.Ф. Чурсин отмечал: «Этот добрый обычай происходит, однако, не из гуманных побуждений, а из боязни, чтобы родильница не осквернила чего-либо своим прикосновением и не навлекла на семью какого-либо несчастья» (*Чурсин Г.Ф.*, 1905. С. 50).

После родов большое значение придавалось первому кормлению роженицы. Так, у мюрегинцев, как и у большинства народов Дагестана, роженице давали ритуальное блюдо – мучную кашу с маслом и медом, у лакцев – «ккурч», у аварцев – «карш», у лезгин – «хешил», у даргинцев – «дахни». У мюрегинцев способ приготовления этого ритуального блюда имел местное этническое отличие: блюдо представляло собой кашу, обильно заправленную маслом и медом (сахаром) или урбечом «палцикь». Основными ингредиентами ее приготовления являлись сушеная курага и мука.

С момента появления ребенка на свет вся забота о нем ложилась на мать. Важным условием здоровья ребенка было его кормление. Основное питание ребенка состояло из грудного молока, которое он получал более двух лет (отлучали ребенка от груди, как правило, в зимнее время). Поэтому молодая мама во время кормления должна была придерживаться определенной диеты, исключая из ее пищевого рациона кислую и соленую пищу, а также некоторые фрукты и овощи. Если ребенку не хватало материнского молока, его прикармливали разведенным водой молоком домашних животных. Зачастую мамы и бабушки пищевой рацион малыша старались дополнить с помощью разжеванного хлеба, что было очень нежелательно с точки зрения современной гигиены.

Естественное кормление малыша было очень важно, поэтому старались воспользоваться услугами кормящих мам, живущих по соседству или неподалеку от дома. В этом случае ребенка считали молочным братом или сестрой их детей. Согласно существующим горским обычаям браки между молочными братьями и сестрами запрещались. Указывая на родство по молочное родство у народов Северного Кавказа, в частности у асептин, М.М. Ковалевский писал: «Молочное родство признается в тех же степенях, что и кровное» (*Ковалевский М.М.*, 1886. С.313).

Болезнь ребенка воспринималась мюрегинцами, как и всеми народами, с большой опаской. Несмотря на широкое бытование традиций народной медицины, достаточно эф-

фективной для исследуемого времени, параллельно существовали иррациональные методы лечения детей, которые носили магический характер.

Заболевание у ребенка, сопровождающееся частой рвотой, обильным выделением слюны, определялось таким диагнозом, как «чуп», который ассоциировался с любым съедобным или, наоборот, несъедобным инородным телом в области носоглотки. Удаление «чупа» было обязательным (Полевой материал 2004 г.). Интересную аналогию, подтверждающую эту традицию в Дагестане, можно найти у Д.Н. Анучина. «При лечении болезней, – пишет он, – большую роль играют лекарки, которым приписывается способность вынимать у больного камешек из горла, а вместе с ним болезнь» (*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 387). Следует отметить, что в этом методе лечения обнаруживается некий сплав как рационального, так и иррационального.

Так, в случае заболевания так называемым «сороковиком» проводили следующий обряд: близкая родственница шла к речке, взяв с собой кувшин и деревянную ложку. Необходимо было набрать 40 полных водой ложек (на каждую набранную ложку читалась молитва). Согрев дома воду, необходимо было облить обнаженного ребенка этой водой, читая одновременно соответствующие молитвы.

По народным представлениям, причиной многих детских недугов мог быть сглаз. Сглаз обычно приписывали обладателям светлых волос и синих глаз, причем признак пола не имел значения. У подозреваемых в сглазе отрезали незаметно кусочек ткани с изнаночной стороны одежды и сжигали на чистом блюде. В полученный пепел наливали немного священной воды читая одновременно соответствующие изречения (суры) Корана. Продолжая читать молитвы, полученным раствором растирали больного ребенка. В роли знахарей, «снимавших» сглаз или порчу, выступали муллы. Оберегом от сглаза и прочих болезней являлся сложенный муллой бумажный треугольник «къя» со священными изречениями из Корана. «Къя» зашивали в кусочек ткани или кожи, для того чтобы ребенок постоянно носил его, не снимая, при себе. Тем не менее «усилия знахарей и традиционный опыт содержания детей не могли сократить уровень детской смертности, которая приводила к определенному естественному отбору» (*Мусаева М.К.*, 1995. С. 107).

Магическими обрядами сопровождались не только критические, но и вообще все основные моменты в жизни ребенка: наречение имени, первое купание, первое укладывание в колыбель, первая стрижка волос и ногтей и т.д.

Важным послеродовым действием было наречение имени, с которым связывают различные обычаи, поверья и даже запреты. Традиции называть новорожденного именем умершего родственника – деда, отца, старшего брата, «придавалось важное значение, потому что, по народным представлениям, имя не только воплощало в себе рождение новой души, но и служило средством передачи известных качеств покойного новорожденному» (*Еремин В.И.*, 1991. С. 88). Оставлять ребенка без имени можно было не более 7 дней, иначе «по истечении этого времени «нечистая сила» дает ему свое имя» (*Мусаева М.К.*, 2007. С. 78). Обычай изменения имени связывали с частым заболеванием малыша. Мюрегинцы верили в то, что причиной заболевания являлась «деятельность» злых духов, преследовавших малыша, и что совершение этого обряда позволит якобы «запутать» их. Обычай этот практиковался как в Дагестане, так и на Кавказе (*Гаджиева С.И.*, 1985. С. 281).

Много поверий связано с физиологическими сходствами малыша со своими родителями. Если младенец (сын) был похож на отца, то его протаскивали через его брюки, если дочь была похожа на мать – малышку протаскивали через мамины широкие штаны – «вахчаг». Проведение этого обряда якобы «снимало» предполагаемую опасность (угрозу) для жизни родителей (Полевой материал 2004 г.).

Следующим обязательным действием был обряд укладывания ребенка в люльку – «сири». Колыбель-качалка была распространена не только в Дагестане, но и на всем Кавказе. Ее главным образом изготавливали из твердых пород дерева: ореха, дуба, боярышника и т.д. «Сири» представлял собой род небольшой скамейки, закрепленной на полукруглых подставках. Сверху люльки укреплялась круглая перекладина для ленточных перемычек, которую использовали и для подвешивания талисманов, амулетов и прочих

апотрепеев. Технические особенности люльки позволяли держать в ней малыша достаточно долгое время. Специально проделанное отверстие на дне люльки являлось местом для вывода мочи, а роль своеобразного «желобчика» играла деревянная или камышовая трубочка «сипа». По этой причине в детских шерстяных матрацах также делались аналогичные отверстия. Ящик, если имелся, то находился, как правило, в нижней боковой части люльки и служил местом хранения всякой детской мелочи. В каждой семье люлька передавалась по наследству от старшего ребенка к младшему и т. д. Обряд укладывания в «сири» обычно проводили на седьмой день после рождения малыша. Купание, а также чтение молитвы из Корана перед укладыванием в люльку было обязательным. Эту процедуру выполняла свекровь или сама роженица.

Обеспечение первенца всем необходимым входило в обязанности матери роженицы. В этот же день молодую маму посещали родственники, соседи, друзья, которые обязательно дарили подарки: кусок материи, платок, хлеб, сушеное мясо, курдюк. Для гостей готовили обильное угощение.

Продолжительность укладывания в «сири» ребенка варьировалась в пределах от 2 до 4 лет (в зависимости от роста ребенка).

Согласно представлениям мюрегинцев, с люлькой тоже был связан ряд суеверий и поверий: нельзя качать пустую колыбель – иначе у ребенка будет болеть голова; нельзя качать колыбель на голом полу – ребенок умрет; нельзя оставлять пустую люльку неприкрытой – иначе в нее ляжет «нечистая» сила; запрещалось передавать ребенка через перекладину колыбели – ее необходимо было обойти, иначе у ребенка жизнь будет короткой. Такие же представления существовали у многих народов Дагестана (*Мусаева М.К.*, 2010. С. 204 – 205).

По представлением мюрегинцев, с наступлением сумерек перед уходом из дома, гость находившийся в одной комнате с новорожденным, обязательно должен был сплунуть два раза и «поделиться» своим сном, сказав «тьфу – тьфу – бейкъу хІанкъ» («половина сна») – иначе ребенок не заснет до утра.

В разряд обязательных действий входила стрижка «утробных волос» после 40 дней – по поверьям мюрегинцев, родовые волосы были «тяжелы» для младенца. Стрижку волос производил дядя или близкий благополучный мужчина. Стриженую голову малыша обязательно смазывали маслом. Мюрегинцы в исследуемое время верили в приметы, связанные с лунным календарем. Поэтому в случае обнаружения на голове младенца радуги – «аи» (залысина в виде дуги) необходимо было «разрезать» ее золотым кольцом вертикальным движением (иначе малыш мог стать косым). Эту процедуру, как правило, должна была осуществлять золовка во время полнолуния. Полнолуние, по поверьям мюрегинцев, считалось признаком долгой жизни (Полевой материал 2003г.). Традиционным у мюрегинцев был обычай взвешивания волос после первой стрижки, это делалось для того, чтобы определить расход «садакъа» по принципу: «каков вес волос – таков и вес сладостей, которые раздавали». После взвешивания волосы заворачивали в тряпочку и хранили вместе с пуповиной.

Следующей процедурой, проводившейся через 40 дней, было обрывание ногтей новорожденному, которое производила мать обязательно в дневное время. В народе бытовало мнение, что в случае отрезания ногтей ножницами ребенок мог стать на воровской путь. У даргинцев общества Гапш, прежде чем произвести стрижку ногтей малышу, «его руки опускали в миску с мукой, чтобы ребенок всегда был сытый» (*Хасбулатов Х.М.*, 2006. С. 125).

Дальнейшие обряды, совершаемые в отношении ребенка, были связаны с его физическим развитием. Определенное место в обрядности детского цикла у мюрегинцев занимали обычаи и обряды, связанные с появлением первого зуба. Матери ребенка, как и у многих народов Дагестана, нежелательно было видеть первые признаки прорезывания зуба. Считалось, что этот процесс станет долгим и мучительным.

По случаю прорезывания первого зуба готовили особое ритуальное блюдо – «шабши». Основными ингредиентами этого блюда были мясная косточка домашнего животно-

го, пшеничные зерна, фасоль, горох (позднее стали добавлять и кукурузные зерна). По традиции «шабши» раздавали не менее чем в семь домов. Делалось это в целях облегчения и ускорения процесса прорезывания зубов. «По народным представлениям, зерно пшеницы, гороха и фасоли, лопаясь во время варки в котле, оказывало магическое воздействие, ускоряя и облегчая появление остальных зубов у ребенка» (Курбанов М.-З.Ю., 1990. С. 97).

Магические свойства приписывались не только зернам пшеницы, но и хлебу. Так, в качестве предохранительной меры и оберега от нечистых духов в одежду ребенка перед выходом на улицу (особенно в ночное время) клали кусочек хлеба.

Очень важным моментом в физическом развитии малыша было совершение первых самостоятельных шагов. У мюрегинцев, чтобы ребенок не падал и не спотыкался, выпекали «мавне» – баранки, которые пропускали через ножки малыша и раздавали детям.

С момента исполнения ребенку одного года обязательным был обряд жертвоприношения – «Хакыкьбат». Мясо барана (в бедных семьях) или крупного рогатого скота (в богатых семьях) раздавали соседям и родственникам.

Последним и заключительным этапом первых лет жизни ребенка было обрезание – «суннат» у мальчиков и прокалывание ушей у девочек. Строгой регламентации сроков проведения этих обрядов не было, но считалось предпочтительным выполнять их в возрасте 3–5 лет. Как правило, «суннат» проводили в позднее весеннее или ранее осеннее время. По словам информаторов, инициацию выполняли пришедшие из других сел мужчины – «суннатчи» (во мн.ч. «сунатчиве»), чаще из Лакии. Известный этнограф-кавказовед Смирнова Я.С. называет занятие заезжих специалистов «настоящим промыслом», которым пользовались не только дагестанцы, но и многие народы Северного Кавказа (Смирнова Я.С., 1980. С. 196). Обычно пришедшие давали о себе знать громким возгласом «суннат!». Догадавшаяся о своей «участи» детвора тот час же разбегалась по домам. В отличие от некоторых народов Дагестана, которые «кусочек отрезанной плоти хранили в банке с маслом (чтобы рана зажила безболезненно)» (Ризаханова М.Ш., 2005. С. 173), мюрегинцы вешали ее под потолочной балкой – «дукълав» (Полевой материал 2003 г.).

Таким образом, в обрядах детского цикла даргинцев-мюрегинцев тесно переплелись как рациональные, так и магические способы и приемы, направленные на появление и сохранение здорового потомства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анучин Д.Н., 1884. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882. Зап. ИРГО. Т. XX. Вып. X.
- Алимова Б.М., 1998. Кайтаги. XIX – начало XX вв. (Историко-этнографическое исследование). Махачкала.
- Булатова А.Г., 2000. Лакцы. Махачкала.
- Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р. И., 2004. Быт и культура табасаранцев в XIX–XX веках. Махачкала.
- Булатов А.Г., Исламмагомедов А. И., Мазанов Ш. А., 2008. Агулы в XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Гаджиева С.Ш., 1985. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – нач. XX вв. М.
- Гаджиева С.Ш., 1961. Кумыки. М.
- Гимбатова М.Б., 2007. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту. (XIX – начало XX века.) Махачкала.
- Еремин В.И., 1991. Ритуал и фольклор. Л.
- Ковалевский М.М., 1886. Современный обычай и древний закон. Т. 1.М.
- Мусаева М.К., 1995. Хваршины XIX – начало XX в. Махачкала.
- Мусаева М.К., 2006. Традиционные обычаи и обряды народов нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала.
- Мусаева М.К., 2007. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов равнинного и южного Дагестана). Махачкала.

Мусаева М.К., 2010. Детская люлька в традиционном быту народов Дагестана (культурные конфигурации) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб.

Редько А., 1899. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // ЭО. 1899. № 1–2.

Почагин. О.В., 1986. Обряды и верования народов Филиппи, связанные с рождением ребенка. СЭ. №5.

Курбанов М.-З.Ю., 1990. Традиционное питание, связанное с рождением ребенка у даргинцев // Система питания народов Дагестана. (XIX–XX вв.) Махачкала.

Полевой материал 2004 г. Инф. Абдуллаева Сакинат Амировна, 1915 г.р.

Полевой материал 2005 г. Инф. Амагаева Муминат Мирзаевна, 1925 г.р.

Полевой материал 2004 г. Инф. Гамзаева Загидат Макашариповна, 1926 г.р.

Полевой материал 2003 г. Инф. Богатырева Патимат Абакараджиевна, 1923 г.р.

Полевой материал 2003 г. Инф. Магомедова Патимат Абдурахмановна, 1923 г.р.

Полевой материал 2003 г. Инф. Магомедов Магомед Мирзаевич, 1927 г.р.

Ризаханова М.Ш. 2005. Лезгины XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала.

Смирнова Я.С., 1983. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.

Смирнова Я.С., 1973. Традиции и инновации в развитии семейной обрядности (по материалам Северного Кавказа) // МКАЭН. М.

Смирнова Я.С., 1980. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа.

Фрэзер Д.Д., 1986. Золотая ветвь. М.

Хасбулатов Х.М., 2006. Культура и быт общества Гапш: традиции и инновации. Махачкала.

Чурсин Г.Ф., 1913. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис.

Чурсин Г.Ф., 1929. Амулеты и талисманы кавказских народов // СМОМПК. Махачкала. Вып. 46.

Чурсин Г.Ф., 1905. Народные обычаи и верования Кахетии // Записки КОИРГО. Тифлис. Кн. 25. Вып. II.